

РАЗУМ В ПЕЩЕРЕ – ПЕЩЕРА В РАЗУМЕ: ИЗМЕНЕННОЕ СОЗНАНИЕ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

Льюис-Уильямс Д., Клотт Ж.

Перевод с английского А. Н. Володина и А. Е. Поляковой¹

Аннотация: *Наскальные изображения вместе с окружающими их фактами и обстоятельствами свидетельствуют о том, что часть франко-кантабрийской пещерной живописи верхнего палеолита была тесно связана с различными шаманскими практиками. Совмещение универсальных свойств измененных состояний сознания и самого феномена глубоких пещер привело к представлениям о сверхъестественном подземном мире, который стал, среди прочих ритуальных областей, местом поиска видений.*

Ключевые слова: *наскальная живопись, шаманские практики, измененные состояния сознания, верхний палеолит, мифология*

Введение

В Западной Европе верхний палеолит начался около 35 000 лет назад вместе с появлением – кое-где это произошло раньше – людей современной анатомии, самодовольно называющих себя *Homo sapiens sapiens*. Означенный период закончился в Европе и на Ближнем Востоке примерно 10 000 лет назад. Именно тогда люди в Западной Европе и других частях мира начали отказываться от охоты и собирательства в пользу животноводства и земледелия (см., например, [1]).

Представляется верным, что верхний палеолит Западной Европы наиболее известен удивительным расцветом искусства, или, как некоторые менее предвзятые и, вероятно, более точные в высказывании авторы предпочитают это называть, «созданием образов» (общий обзор см. [2]). В последнее время наскальные рисунки верхнего палеолита вновь привлекли к себе внимание в связи с сообщением в мировых СМИ об открытии поразительных пещер во Франции: частично затопленная Коске на Средиземноморском побережье [3] и Шове в департаменте Ардеш [4]. Хотя эта статья посвящена пещерному (париетальному) искусству, не стоит забывать и о памятниках портативного искусства, искусно вырезанных из кости, рога и бивней слонов. Их обнаруживают в культурных пластах у скальных навесов, у входа и в глубине пещер с наскальной живописью.

Пещерное искусство с момента открытия было предметом оживленных дискуссий и спекуляций. Почему люди проникали в пещеры и изображали на их стенах лошадей, бизонов, туров, шерстистых мамонтов? Какие функции выполняли изображения и сами пещеры? Что «значили» изображения? Было ли это сделано с целью охотничьей магии? Или оно было просто искусством ради искусства?

¹ Перевод выполнен по изданию: Lewis-Williams D. J., Clottes J. *The Mind in the Cave – the Cave in the Mind: Altered Consciousness in the Upper Paleolithic* // *Anthropology of Consciousness*. 1998. Volume 9. Issue 1. pp. 13-21.

Метод и теория

За этими вопросами стоят более общие методологические и теоретические проблемы: возможно ли знать, во что верили люди, жившие так давно? Их мифы, обряды и верования не сохранились, нам достались только загадочные образы. Если трудно узнать, что думают живые люди о своем искусстве, возможно ли узнать, что люди верхнего палеолита думали о своем?

Столкнувшись с этими фундаментальными эпистемологическими вопросами, исследователи разделились на два лагеря. В одном находятся профессиональные пессимисты. Они утверждают, что в принципе мы этого никогда не узнаем, и зарабатывают на жизнь тем, что пытаются разрушить чужую работу. Они справедливо отмечают, что охотники и собиратели XIX и XX веков не являлись (и не являются) «живыми окаменелостями» верхнего палеолита, которые могли бы легко ответить на наши вопросы. В другом лагере находятся исследователи, которые считают, что мы можем кое-что выяснить о верхнепалеолитических верованиях и искусстве (никто не говорит о возможности полного понимания). Такая позиция дается непросто. Даже самые оптимистичные исследователи признают, что теоретические и методологические проблемы необходимо решать открыто и прямо. Пока они не будут решены, гипотезы останутся догадками, верность которых невозможно оценить: всякое предположение будет оставаться столь же обоснованным, как и любое другое.

В последнее десятилетие был опробован новый подход к проблеме. Он основан на общепринятом положении: поскольку люди верхнего палеолита были уже *Homo Sapiens Sapiens*, то у них была такая же нервная система, как и у современных людей, будь то оставшиеся охотники-собиратели или промышленники. В данной статье мы утверждаем, что наша связь с верхним палеолитом – не единственная связь, но, по крайней мере, отправная точка: между нами и этим отдаленным периодом существует неврологический мост [5, 6].

Измененные состояния сознания

Нервная система человека рождает сознание. Это состояние, которому чрезвычайно сложно дать определение. Нервная система также рождает и измененные состояния сознания, которым дать определение легче (хотя и ненамного), как минимум в контексте интуитивно понимаемого «нормального сознания». Верхнепалеолитические люди должны были испытывать не только «нормальное сознание», но и его измененные состояния, поскольку они являются его сущностной частью и, более того, вызываются широким спектром факторов, включая прием психотропных веществ, звуковую стимуляцию, гипервентиляцию, сенсорную и социальную депривацию, боль, интенсивное сосредоточение и некоторые патологические условия. Добавьте к этому списку «сновидения», и опыт измененных состояний сознания хотя бы у некоторых жителей верхнего палеолита станет бесспорным. Измененные состояния сознания являются частью человеческого бытия, частью «пакета функций» (см. [7]). Что люди верхнего палеолита делали в состоянии измененного состояния сознания, это совершенно другой вопрос.

Способы переживания и интерпретации измененных состояний не являются «заданными» или универсальными. Для понимания этого момента полезно думать о созна-

нии как о спектре. На одном конце находится «нормальное» или «бодрствующее» сознание. Оно переходит в мечтательность, грезы, сновидения, легкие трансовые состояния и в конце концов глубокие трансы, в которых субъекты не осознают своего окружения, но становятся частью галлюцинаторного царства со своими правилами преобразований и причинности. Именно так думают об этом многие жители Запада. Но спектр делится в каждой культуре или субкультуре на свой лад. То, что считается безумием в одном обществе, может быть расценено как божественное откровение в другом. То, что для одних – видение, для других – галлюцинация. Представление об измененных состояниях сознания социально обусловлено. Но это еще не все. Оно также вовлечено в процессы установления социальных статусов и политической власти. Предвидение будущего может вызвать восхищение в некоторых обществах, но они скорее усложнят, а не облегчат прохождение в Конгресс. Поскольку измененные состояния сознания являются частью жизни человека, люди так или иначе должны примириться с ними.

Это должно быть верно и для эпохи верхнего палеолита. Были ли те люди гиперрационалистами, которые отвергали измененные состояния сознания, как аберрации? Неправдоподобно. Или они, подобно всем известным охотникам и собирателям (и всем прочим, разумеется), придавали им большое значение? Повсеместное кросс-культурное распространение среди охотников и собирателей схожих измененных состояний указывает на глубокую древность той формы ритуализированных состояний, которую мы называем шаманизмом.

Шаманский космос

Теперь рассмотрим две особенности измененных состояний сознания, которые способствуют кросс-культурному сходству [8].

Во-первых, по мере того, как люди входят в эти состояния, они часто испытывают ощущения ослабления, подъема и полета. Когда перед ними появляются образы, они верят, что входят в духовное царство, расположенное в небе или над ним. Ощущение полета естественно предполагает превращение в птицу. Изменив перспективу, они смотрят вниз на уровень повседневной жизни. Птицы, конечно, тесно связаны с шаманами во многих культурах.

Во-вторых, по мере того, как люди движутся к «дальному» концу спектра, они начинают ощущать вокруг себя завихрения и то, как некая сила затягивает их внутрь вихря. По бокам этого вихря иногда возникает решетка, в сегментах которой показываются знаковые образы [9]. Ощущение сжатия, затрудненного дыхания и втягивания в вихрь часто предполагают вход в туннель, ведущий под землю. На другом конце туннеля находится иное царство, населенное уникальными существами, духами, животными и монстрами. Все это заложено в нервной системе человека. В уме человека находится пещера. В шаманских обществах этот опыт приводил к вере во хтонический мир, посещение которого по силам шаману.

Таким образом, шаманский космос многослоен. В простейшем случае насчитывается три уровня: повседневная жизнь, царство наверху и царство внизу. Верхнее и нижнее царства вторгаются в повседневную жизнь, и именно шаманы, путешествуя по

оси мира (которую часто представляют как дерево или дыру в земле), могут стать посредниками между мирами.

Мы утверждаем, что в эпоху верхнего палеолита известняковые пещеры Западной Европы воспринимались как топографические эквиваленты психического опыта вихря и нижнего мира. Пещеры были вратами в подземный мир, а их поверхности – стены, потолки и полы – лишь тонкой перегородкой между теми, кто отваживался войти, и существами подземного царства. Это контекст западноевропейского пещерного искусства. Контекст, который был создан взаимосвязью универсальных нейропсихологических переживаний и топографически расположенных пещер.

Когда люди верхнего палеолита украшали эти пещеры рисунками и высеченными изображениями животных, знаками и, реже, человеческими фигурами, они порой использовали определенные измененные состояния сознания для создания в каждой пещере особого, социально и исторически обоснованного подземного царства [10]. Во всем остальном непостижимые особенности верхнепалеолитического пещерного искусства объединены и разъяснены этим положением [8, 11].

Мембранная скала

Многие изображения включают в себя особенности поверхности, на которой они размещены. Иногда глазом животного становилась небольшая конкреция; естественная выпуклость скалы превращалась в грудь или плечо животного, край выступа оказывался

Рисунок 1. Голова лошади. Остальная часть животного, как может представиться наблюдателю, находится за скалой. Руффиньяк, департамент Дордонь, Франция

спиной. К природным образованиям художники добавляли линии, тем самым превращая данное в сотворенное. Часто кажется, что эти образы выходят из каменной стены. В пещере Руффиньяк, к примеру, голова лошади нарисована сбоку от выступающей кремневой конкреции. Остальная часть лошади, по-видимому, находится за скалой (рис. 1).

Эти и другие особенности искусства позволяют предположить, что люди искали животных в извилинах подземного мира как зрением, так и осязанием; не «настоящих» животных, но духов-животных, которые могли бы стать их проводниками и помощниками. Таким образом, пещеры были подобны недрам подземного мира, а полы, стены и потолки – тонкой «мембраной» между людьми, которые рискнули войти, и миром духов. Через эту «мембрану» шаманы пытались привлечь духов.

Такая интерпретация подкреплена общей характеристикой некоторых галлюцинаций, порожденных структурой нервной системы человека, а потому – универсальных. Галлюцинации часто проецируются на такие поверхности, как стены или потолок. Современные представители западной культуры уподобляют это переживание показу слайдов или фильму: видения «плавают» и движутся по

«экрану» [9]. Учитывая сенсорную депривацию, вызываемую пещерами, и оставляя в стороне другие провоцирующие факторы, мы можем констатировать, что некоторые люди верхнего палеолита должны были галлюцинировать в них и, сверх того, что некоторые из этих видений были спроецированы на поверхности вокруг них. Мы предполагаем, что, пытаясь зафиксировать эти видения, люди искали подходящие поверхности и добавляли следы, чтобы воссоздать ментальные образы. Рисунки, создаваемые ими таким образом, не были «рисунками» в обычном смысле этого слова; не были они и изображениями чего-то другого – ни привидевшегося, ни «настоящих» животных. Скорее, это были зафиксированные навеки видения.

Сразу становится более понятным еще один тип верхнепалеолитического изображения. Когда источник света (не электрического, который теперь, к сожалению, есть в некоторых пещерах) находится в определенном положении, тени, отбрасываемые на скалу, иногда представляют для выжидающего зрителя часть животного, скажем, линию спины бизона, как в пещере Нио в департаменте Арьеж во Франции. Потребовалось всего несколько искусных штрихов, чтобы добавить голову, ноги и живот. Если источник света перемещается, животное уходит обратно через «мембрану». Таким образом, человек получает власть над животным: он или она может заставить его приходиться и уходить по своему желанию. С другой стороны, животное имело власть над человеком, поскольку, если тот хочет, чтобы животное оставалось видимым, он или она должны сохранять определенную позу; если расслабиться и позволить свету двигаться, то дух животного исчезнет.

Мы утверждаем, что методы, которые мы до сих пор описывали, использовались для взаимодействия с духами животных, находящихся за мембраной. Другие практики были ориентированы в ином направлении. Например, в Энлене, одной из трех пещер Вольпа, сотни маленьких фрагментов костей были воткнуты в трещины стены [12]. Они находились на разном расстоянии от пола и были наклонены во всех возможных направлениях. У них могла отсутствовать какая-либо прагматическая функция. В других пещерах, например, в пещере Труа-Фрер – еще одной из пещер Вольпа, – зубы животных и каменные артефакты были размещены в расщелинах [13]. Они, по всей видимости, были принесены под землю специально для размещения в нишах. Во всех этих случаях люди переправляли вещи в подземный мир. Чего именно они этим добивались, мы пока не знаем.

Нейропсихологическая модель

До сих пор мы имели дело только с отдельными сторонами предметных образов. Но есть и большая абстрактная (геометрическая) составляющая искусства верхнего палеолита. Меандры, точки, зигзаги и параллельные линии порой считались отдельной системой символов. Действительно, одной из самых озадачивающих особенностей наскального искусства охотников и собирателей служит глубокая связь между предметными и геометрическими изображениями. Объяснение этой связи следует искать в структуре нервной системы человека и в том, как эта система все глубже и глубже погружается в измененные состояния сознания. Нейропсихологическая модель различает три стадии измененного сознания [5].

По мере того, как люди движутся по спектру от бодрствующего сознания к слегка

измененному состоянию, они иногда видят геометрические фигуры: зигзаги, волнообразные линии, яркие точки в облаках или линиях, извилистые линии, наборы параллельных линий и так далее [14, 15]. Это первая стадия. Геометрические видения этой стадии известны как «константные формы», «фосфены» и «энтлоптические явления». Поскольку они порождены нашей нервной системой, они распространены среди всех людей. Повсеместно, независимо от культурного происхождения, люди имеют возможность их видеть. Они вызываются факторами, которые мы уже перечислили, а также мигренью и скотомой. Вновь мы должны подчеркнуть, что эти формы универсальны. Выбор из всего спектра форм и придание им значения полностью обусловлено культурой. Например, народ тукано в Южной Америке использует несколько волнистых линий и точек, чтобы изобразить Млечный Путь – цель шаманского полета [16]. В других обществах такие точки могут означать совсем иное.

На второй стадии люди пытаются осмыслить энтлоптические феномены [17]. Они делают это культурно специфическими способами и в соответствии со своим эмоциональным состоянием. Например, жители Запада могут интерпретировать яркую точку как бомбу, если они боятся, или как чашку воды, если хотят пить. Христиане, в состоянии религиозного ожидания, могут принять яркую точку за потир, в котором хранится Свет Мира.

Хотя энтлоптические феномены находятся в самом начале спектра состояний измененного сознания, они сохраняются и на третьей стадии – глубокого транса [9]. Здесь они сочетаются с иконическими изображениями людей, животных и монстров. Таким образом, они становятся неотъемлемой частью мира духов, независимо от того, каковы их специфические значения, установленные культурой. Мы утверждаем, что здесь находится ответ на загадку происхождения некоторых геометрических наскальных рисунков, а также, что волнует нас много более, на загадку сочетания геометрических и предметных изображений в искусстве верхнего палеолита (рис. 2). Вместе эти два вида изображений образуют единое целое. Все они являются частью духовного опыта и их расположение на стенах-мембранах глубоких пещер больше не вызывает удивления.

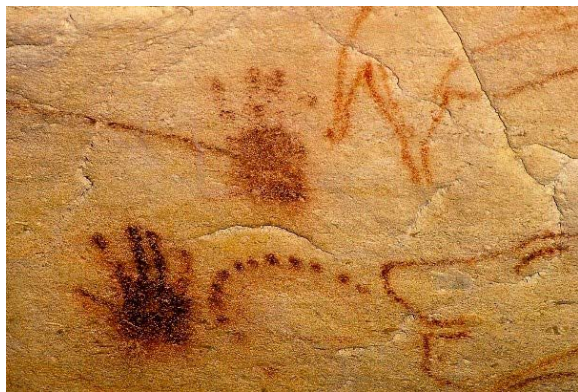

Рисунок 2. Изображения в пещере Шове. Фрагмент панели красных знаков в «галерее рук».

Также на третьей стадии люди могут почувствовать себя слитыми с возникающими образами. Порой они ощущают себя отчасти или полностью превращенными в животных. Согласно представлениям шамана, так он разделяет силу своего проводника – духа-животного. Шаманы верят, что в форме животного они могут путешествовать за пределы своих тел.

Такие изображения встречаются в искусстве верхнего палеолита, их называют териантропы. Один из самых ранних образцов верхнепалеоли-

тической резьбы относится к ориньякскому периоду (около 35 000 – 28 000 до н. э.). Это человек с кошачьей, вероятно, львиной головой. Раскрашенные и гравированные териантропы известны также с заключительного периода верхнего палеолита – мадленского (16 000 – 11 000 до н.э.) «Колдун» из Пещеры трех братьев, возможно, является самым известным териантропом верхнего палеолита (рис. 3). В недавно открытой пещере

Рисунок 3. «Колдун» был создан около 13 000 лет до н. э. Изначально был воспринят как изображение первого божества, современные исследователи склонны усматривать в рисунке фигуру шамана, который выполняет ритуал.

Шове есть еще один прекрасный пример: голова бизона объединена с человеческим телом.

Териантропы не характерны для искусства верхнего палеолита, представление о них чаще встречается в других шаманских практиках. Но они являют собой устойчивый отличительный признак, указывающий на глубокую связь между шаманом и духом-животным.

Измененные состояния сознания и социальный контроль

До сих пор мы рассматривали роль измененного состояния сознания и связанной с ним шаманской космологии в создании произведений искусства верхнего палеолита.

Мы также указывали, что способы, которыми обозначаются измененные состояния и видения, всегда социально обусловлены. Отметив ключевые аспекты подземных изображений, мы можем рассмотреть социальную роль самих пещер.

Борьба за контроль над доступом к измененным состояниям сознания, а также за регламентацию типов изображений, которые могут считаться подходящими для разных классов людей, идет постоянно [10]. Этот вид социальной дифференциации почти наверняка проецировался и на топографию пещер. В некоторых пещерах есть просторные залы, богато украшенные величественными образами. В тех же пещерах часто встречаются небольшие туннели, в которые могут протиснуться только один или два человека, но и здесь есть рисунки, часто выполненные несколькими уверенными штрихами. Например, в Ласко богато украшен сравнительно большой «зал быков». Гораздо глубже, в самом конце пещеры, «кошачий лаз» декорирован лишь набросками. Очевидно, что с разными частями пещеры были связаны разные практики [8].

Большие изображения украшенных залов, вероятно, создавались коллективно. По всей видимости, сообщества людей распределяли трудовые задачи, чтобы подготовить достаточное количество краски, соорудить конструкции для работы на высоте [18] и создавать большие изображения. Более того, представляется, что в этих пространствах совершались общинные ритуалы. Каждое пространство представляло собой сконструи-

рованный сегмент подземного мира. Возможно, некоторые из ритуалов служили подготовительным этапом к индивидуальному опыту, к которому стремились те немногие, кто дерзал пойти дальше, вглубь подземного мира, в поисках духов животных. В уединенном созерцании, испытывая сенсорную депривацию, будучи в состоянии тактильного, визуального и ментального поиска, некоторые люди находили духов животных и фиксировали эти видения, таким образом обретая шаманскую силу и животных-проводников.

Мы утверждаем, что пещеры могли быть социально дифференцированы не только по топографии, но и по изображениям. Часть людей могла быть допущена только в некоторые части. Как спектр сознания был разделен и определен, так и пещеры были социально дифференцированы. Когда люди двигались по пещерам, они устанавливали свой статус или бросали вызов статусу других. И пещера, и искусство стали инструментами социальной дифференциации и соперничества. Здесь, в самом истоке религии, были посеяны семена социального разделения и господства, иерархии и жестокости. Сознание всегда служило местом борьбы.

Вывод

Опираясь на результаты нейропсихологических исследований измененных состояний сознания и тех аспектов шаманизма, которые, вероятно, связаны с нервной системой человека, мы наметили объяснение пещерного искусства верхнего палеолита, которое объединяет его разнообразные черты в связную картину. В пещере разум наполняет пространство существами и духами животных. Но есть еще и пещера в уме, проложенная там нервной системой человека. Когда топографическая пещера и пещера в уме сошлись в верхнем палеолите, возникла новая реальность и родилось ошеломляющее искусство.

Список литературы

1. Mellars P., Stringer, C. *The human revolution: Behavioural and biological perspectives on the origins of modern humans* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989).
2. Bahn P. G., Vertut J. *Images of the Ice Age* (Leicester: Windward, 1988).
3. Clottes J., Courtin J. *The Cave beneath the Sea: Paleolithic Images at Cosquer* (New York: H.N. Abrams, 1996).
4. Chauvet Jean-Marie, Eliette Brunel Deschamps, Christian Hillaire *Dawn of Art: The Chauvet Cave* (New York: H. N. Abrams, 1996).
5. Lewis-Williams J. D., Dowson T. A. "The Signs of All Times: Entoptic Phenomena in Upper Palaeolithic Art", *Current Anthropology* 29 (1988): 201-245.
6. Lewis-Williams J. D. "Wrestling with Analogy: A Methodological Dilemma in Upper Palaeolithic Art Research", *Proceedings of the Prehistoric Society* 57 (1991): 149-162.
7. Siegel R. K., West J.W. *Hallucinations: Behaviour, Experience, and Theory* (New York: John Wiley and Sons, 1975).
8. Lewis-Williams J. D. "Harnessing the Brain: Vision and Shamanism in Upper Palaeolithic Western Europe", *Memoirs of the California Academy of Sciences* 23 (1997): 321-342.
9. Siegel R. K. "Hallucinations", *Scientific American* 237 (1977): 132-140.

10. Lewis-Williams J. D. "Modelling the Production and Consumption of Rock Art", South African Archaeological Bulletin 50 (1995): 143-154.
11. Clottes J., Lewis-Williams J. D. Les Chamanes de la Prehistoire: Transe et Magie dans les Grottes Ornees (Paris: Le Seuil, 1996).
12. Begouen R., Clottes J., Giraud J.-P. "Os Plantes et Peintures Rupestres dans la Caverne d'Enlene", Pyrenees Prehistoriques (1996).
13. Begouen R., Clottes J. "Apports Mobiliers dans les Cavernes du Volp (Enlene, Les Trois-Freres, Le Tuc d'Audoubert)", Altamira Symposium (1981): 157-188.
14. Kluver H. Mescal and Mechanisms of Hallucinations (Chicago: University Press, 1966).
15. Eichmeier J. Mescal and Mechanisms of Hallucinations (Chicago: University Press, 1974).
16. Reichel-Dolmatof G. Beyond the Milky Way: Hallucinatory Imagery of the Tukano Indians (Los Angeles: UCLA Latin America Center, 1978)
17. Horowitz M. J. Hallucinations: An Information-Processing Approach in Siegel and Louis J. West, eds. Hallucinations: Behavior, Experience, and Theory. New York: John Wiley and Sons, 1975, pp.163-195.
18. Leroi-Gourhan, A., Allain J. Lascaux Inconnu (Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1979).

Сведения об авторе:

Дэвид Дж. Льюис-Уильямс — директор Отдела исследований наскального искусства Факультета археологии Витватерсрандского университета.

Email: 107geb@cosmos.wits.ac.za

Сведения о переводчиках:

Володин Андрей Николаевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социокультурного проектирования, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Email: volodinan@cfuv.ru

Полякова Анна Евгеньевна – бакалавр направления подготовки «Культурология», Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)

David J. Lewis-Williams is Director of Rock Art Research Unit Department of Archaeology University of the Witwatersrand.

Email: 107geb@cosmos.wits.ac.za

Volodin Andrey Nikolaevich – PhD in culturology, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University.

Email: volodinan@cfuv.ru

Polyakova Anna Evgenievna – Bachelor of Culturology, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University.